

В Новом Манеже прошла выставка Андрея Колкутина

СУПРЕМАТИЗМ И ПРОВИНЦИЯ

Независимый газ. — 1999 — 17 февр. — с. 7

Елена Широян

В НОВОМ МАНЕЖЕ прошла персональная выставка живописца Андрея Колкутина «Картины русской провинции». Впервые в Москве столь полно был представлен художник из Нальчика, давно приобщенный к артистической жизни столицы.

«Малевич — в космосе, а я хочу соединить его с землей», — заявляет художник, приверженец фигуративности и повествовательности. Ощущая себя причастным к великой традиции, с автором «Черного квадрата» Колкутин не прочь вступить в полемику. Для Колкутина важна интрига, игра со зрителем. Он преднамеренно сталкивает русскую икону и великого беспредметника. На холсте «Игра в карты» точно повторена композиционная схема «Троицы» Рублева, но, видимо, старухи затем и носят платки, чтобы в них пламенели супрематические плоскости локального цвета, повторяясь в крышах домов.

Колкутин синтезирует свой стиль на основе игры со знаками: почему бы слегка не запутать зрителя, вручив ему при этом нить, которая и выведет из лабиринта? На холсте «Без названия» возникают первые слова молитвы «Отче наш», затем буквы начинают таять, заставляя нас угадывать их, вспоминать молитву.

«Борис и Глеб», где фриз из «картинок» обрамляет основную композицию подобно клеймам на иконе, взывает к Малевичу. Похоже, Малевич не дает покоя Колкутину: добрая половина картин на выставке — диалог или спор с «великим отрицателем»; цитируются разные его темы —

то напрямую, то слегка завуалированно: супрематические плоскости цвета, «лишенные лиц» крестьяне, геометрика, поздние «предметные» портреты. Супрематический пейзаж может быть задействован и на «земле» картины, и в платье ее персонажа, соседствуя с «реалистическим» портретом («Торговка»).

Возникает мысль, что, представив свое творчество за 10 с лишним лет, Колкутин задумал потешить зрителя постмодернистской игрой в «угадайку»: почти все его «народные» картины строятся на вполне грамотном и изысканном обыгрывании определенного круга сюжетов и приемов, хорошо известных в истории искусства. Ориентиры Колкутина, по его собственному признанию, — русский лубок, древнерусская икона, близки ему доколумбова Америка и древний Китай. Нередко деревенские дома у Колкутина вызывают в памяти архитектурные пейзажи древнерусских икон. Но художник активно цитирует и тех «титанов» XX века, кого считает своими учителями, — Малевича, Клее, Миро, подчас собирая всех вместе в одном холсте: «Есть смысл в том, чтобы соединить взаимоисключающие на первый взгляд вещи», — утверждает он.

В дальнейших планах Колкутина — заняться скульптурой: «Физически ощущаю, что дерево — это мое, и уже теперь любая из моих картин может быть переведена в дерево». Художник убежден, что в этом материале его сюжеты обретут дополнительную мощь и выразительность. Именно так может продолжиться недавно начатый библейский цикл — в последних работах сам автор видит «выход к барельефу».

Андрей Колкутин. Дядя Ваня. 1993.